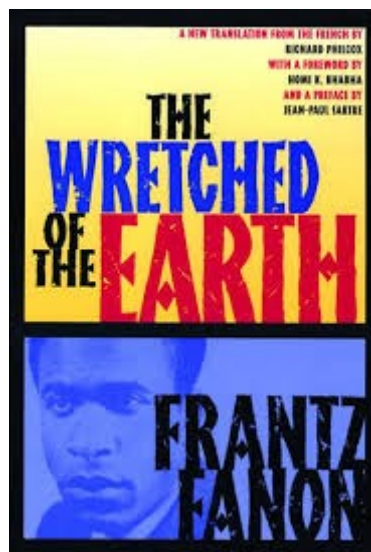

**Жан-Поль Сартр «Предисловие» к
книге Франца Фанона «Весь мир
голодных и рабов»**

Жан-Поль Сартр «Предисловие» к книге Франца Фанона «Весь мир голодных и рабов».

/Preface by Jean-Paul Sartre/

(по изданию Frantz Fanon. *The Wretched of the Earth* (New York: Grove Press, 1963 (preface by Jean-Paul Sartre; translated by Constance Farrington))

(перевод с англ. Юрий Урсо)

Совсем недавно земля насчитывала две тысячи миллионов жителей: пятьсот миллионов людей и одна тысяча пятьсот миллионов местных жителей. Первые обладали Словом; другие могли им пользоваться. Между ними существовали наемные царьки, крупные феодалы, и буржуазия, от начала до конца - притворщики, которые служили в качестве посредников. В колониях истина существовала обнаженной, но граждане стран-колонизаторов предпочитали её одетой: местные жители должны были их любить таким же образом, как любят своих матерей. *Европейская элита взялась за создание элиты из местных жителей. Они выбирали подающих надежды подростков; они выжигали на них, будто бы раскалённым докрасна железом, принципы Западной культуры; они заполняли их рты полными высоко звучащих фраз: великими, клейкими словами, которые прилипали к их зубам.* После короткого пребывания в стране-колонизаторе они посылались домой выбеленными. Эти ходячие лжецы больше ничего не имели сказать своим братьям; их слова были лишь эхом. Из Парижа, из Лондона, из Амстердама мы будем произносить слова «Парфенон! Братство!» и где-то в Африке или Азии губы будут открываться «. . . фенон! . . . тство!». Это был золотой век.

Он пришёл к концу; рты открылись сами по себе; жёлтые и чёрные голоса всё ещё говорили о нашем гуманизме, но лишь затем, чтобы укорить нас в нашей бесчеловечности. Мы слушали без неудовольствия эти вежливые утверждения негодования вначале с гордым удовольствием. Что? Они способны говорить сами за себя? Только посмотрите на то, что мы с ними сделали! Мы не сомневались в том, что они примут наши идеалы, но они обвинили нас в том, что мы сами им не верны. В самом деле, Европа могла верить в свою миссию; она эллинизировала азиатов; она создала новое племя - племя греко-латинских Негров. Мы, возможно, добавим лишь между нами, как людьми мира: «После всего, давайте

позволим им орать во всю их глотку, это освобождает их эмоции; собаки, которые гавкают, - не кусаются».

Новое поколение, пришедшее на арену действий, изменило саму проблему. С невообразимым терпением, его писатели и поэты пытались объяснить нам, что наши ценности и настоящие факты их жизней не соответствуют друг другу, и то, что они не могут ни полностью их отрицать, ни до конца их впитать. В общем, они хотели сказать следующее: «Вы делаете из нас чудовищ; ваш гуманизм заявляет, что мы единое целое с другой частью человечества, но ваши расистские методы - разделяют нас». Мы терпеливо слушали их всех; колониальным администраторам не платят за чтение Гегеля - по этой причине, они много его не читают, - но администраторам не нужен философ, чтобы сказать местным жителям, что их беспокойные сознания загнаны в тупик собственными противоречиями. Этот путь ни к чему не приведет местных жителей; так, давайте же продолжать создавать им дискомфортное существование; ничего из этого не выйдет, кроме болтовни. Если бы местное население, сказали нам эксперты, в своём выборе просили чего-то определённого, то это была бы интеграция. Конечно, вопрос о её гарантии даже не стоит; система, работающая за счёт сверхэксплуатации, какой она и является, - будет разрушена. Но для того, чтобы рабы скакали галопом, достаточно держать перед их носом морковку. Как и в отношении бунта, мы вообще не должны волноваться; то, что местный житель, ведомый чувствами, пойдёт убивать честных сыновей Европы лишь для того, чтобы стать Европейцами, как они? Вкратце, мы поощрили эти несчастные души и думали, что это совсем неплохая идея однажды наградить премией Гонкуров - Негра. Это было до 39-го года.

1961. Слушайте: «Давайте не будем терять времени в стерильных литаниях и вызывающей тошноту мимикрии. Покиньте эту Европу, где люди не останавливаются говорить о Человеке, но всё ещё убивают себе подобных везде, где они их найдут, на углу каждой из их собственных улиц, во всех углах земного шара. Целыми столетиями они угнетали почти что всё человечество во имя духовного опыта». Тон обновлён. Кто осмеливается говорить таким образом? Это африканец, человек из Третьего Мира, экс-«коренной житель». Он добавляет: «Европа теперь живёт в таком сумасшедшем, безответственном темпе, что она безудержно стремится в пропасть; мы очень хорошо постарались, чтобы от этого отстраниться». Другими словами, она убита. Истина, которую мы утверждаем без удовольствия, но в которой мы все до мозга костей убеждены, не так ли, друзья-европейцы?

Мы, однако, должны сделать одну оговорку. Когда француз, к примеру, говорит другим французам: «Страна разрушается», (что происходило, я должен думать, почти что каждый день с 1930 года) — это

эмоциональный разговор; горящий любовью и яростью, оратор включает в разговор него самого и своих соотечественников. И затем, обычно, он добавляет: «Пока не . . .» Значение сказанного ясно; больше не должно быть ошибок; если инструкции оратора не будут закреплены в документе, тогда страна разделится на части. Вкратце, это угроза, за которой следует небольшой совет, и эти пометки менее шокирующие потому, что они происходят от национальной интерсубъективности. Но, напротив, когда Фанон говорит о Европе, что она стремится к своей гибели, далёкий от того, чтобы звучать как сирена, он лишь просто ставит диагноз. Этот доктор не утверждает, что Европа представляет собой безнадёжный случай, — чудеса иногда случались — также как он не даёт лекарства, чтобы Европа могла вылечить себя сама. Он заверяет, что она умирает, основываясь на симптомах, которые он может наблюдать. Что касается лечения Европы, ответа нет; есть другие (более важные) вещи, чтобы о них подумать; автора не беспокоит вопрос, выживет она или умрет. Именно поэтому, его книга скандальна. И если вы шепчете, шутливо смущённые: «У него есть лекарство для нас!» - действительная природа скандала уходит от вас; у Фанона нет ничего для вас; его работа — красно-раскаленная для некоторых, в отношении вас - холодная как лёд; он говорит часто о тебе, но никогда не обращается к тебе. Чёрные Гонкуры и жёлтые Нобели закончились; закончились дни колонизированных лауреатов. Экс-туземец, французско-говорящий, склоняет этот язык к новым требованиям, использует его, и говорит лишь к колонизированному: «Коренные жители всех недоразвитых стран, соединяйтесь!». Какое разорение! Для отцов мы одни были ораторами; сыновья более даже не рассматривают нас в качестве действительных посредников: мы являемся объектами их голосов. Конечно, Фанон упоминает мимоходом наши хорошо известные преступления: Сетиф, Ханой, Мадагаскар, но он не теряет своего времени их обвиняя; он их использует. Если он демонстрирует тактики колониализма, сложную игру отношений, которая соединяет и противопоставляет колонистов людям их страны-колонизатора, то это именно для его же братьев; его цель заключается в том, чтобы научить их тому, как победить нас в нашей собственной игре.

Вкратце, Третий Мир находит *сам себя* и говорит *самому себе* своим собственным голосом. Мы знаем, что это не гомогенный мир; мы знаем также, что там еще можно найти поработанных людей, вместе с теми, кто достиг симулякра поддельной независимости, теми, кто всё ещё борются, чтобы достичь суверенности, и также теми, кто достиг полной свободы, но которые живут под постоянной угрозой империалистической агрессии. Эти отличия (другими словами – угнетения) вживлены в колониальную историю. Здесь страна-колонизатор удовлетворена тем, чтобы удерживать

некоторых феодальных правителей, которые платят им дань; там, разделяя и правя, она создала буржуазию из коренных жителей, с самого начала до конца - притворщиков; ведется двойная игра: колония возведена людьми, являющимися поселенцами и эксплуатируемыми в то же самое время. Таким образом, Европа размножила разделения и противостоящие группы, сформировала классы и иногда даже расовые предубеждения, и старалась каждым средством вызвать и интенсифицировать стратификацию колонизаторских обществ. Фанон ничего не скрывает: для того, чтобы бороться против нас, предшествующая колония должна бороться против самой себя: или, скорей, две битвы формируют часть целого. В состоянии битвы все внешние барьеры разрушаются. Марионеточная буржуазия бизнесменов и владельцев магазинов, городского пролетариата, которые всегда в привилегированном положении, *люмпен пролетариат* городских трущоб — все строятся в линию, располагаясь в позицию, созданную сельскими массами - истинным резервуаром национальной революционной армии, поскольку в тех странах, где колониализм преднамеренно остановил развитие, крестьянство, когда оно возрастает, быстро выделяется в революционный класс. Так как крестьяне знают обнажённое угнетение и страдают в большей степени от него, чем рабочие в городах. Для того, чтобы не умереть от голода, крестьянство требует не меньше, чем полное разрушение всех существующих структур. *Для того, чтобы восторжествовать, национальная революция должна быть социалистической; если её карьера внезапно прервана, если национальная буржуазия приходит к власти, новое государство, несмотря на его формальную суверенность, остаётся в руках империалистов.* Пример Катангы показывает это достаточно хорошо. Таким образом, единство Третьего Мира всё ещё не достигнуто. Это работа, находящаяся в процессе осуществления, начинается объединением в каждой стране после независимости, как раньше, всех колонизированных людей под предводительством крестьянского класса. Именно это Фанон объясняет своим братьям в Африке, Азии, и Латинской Америке: *мы должны достичь революционного социализма все вместе, везде, или, в противном случае, один за другим мы будем поражены нашими прошлыми хозяевами.* Он ничего не утаивает: ни слабости, ни противоречия, ни мистификацию. Здесь движение начинается к плохому началу; там, после поразительного первоначального успеха оно упускает момент; где-либо ещё оно пришло к остановке, и если оно должно начаться снова, крестьянство должно выкинуть за борт свою буржуазию. Читатель безжалостно становится охранником от наиболее опасной обманчивой надежды: культа лидера и личностей, Западной культуры, и того, чего нужно равно опасаться, - ухода в полумрак прошлой Африканской культуры. Поскольку

единственная настоящая культура — это революция; что означает, она постоянно в процессе созидания. Фанон говорит громко. Мы, Европейцы, можем слышать его: об этом свидетельствует тот факт, что ты держишь эту книгу в своих руках; не боится ли он того, что колонизаторские силы могут воспользоваться его искренностью?

Нет; он ничего не боится. Наши методы устарели; они могут иногда отсрочить освобождение, но не могут его остановить. И не думайте, что мы можем изменить наши методы; неокOLONиализм, несбыточная мечта стран-колонизаторов, по большей части - пустая болтовня; «Третьи Силы» не существуют, и, если они существуют, они являются всего лишь скверной буржуазией, которую уже посадил в седло колониализм. Наш Макиавеллизм имеет совсем немного преимуществ в этом широко-пробуждённом мире, который приземлил наши обманы один за другим. Поселенец находит прибежище лишь в одной вещи: жестокой силе, когда он ей командует; коренные жители имеют лишь один выбор, между послушанием или господством. Беспокоится ли Фанон, читаешь ли ты его работу или нет? Именно для своих братьев он осуждает наши старые трюки, и он уверен, что мы не имеем большего в наших рукавах. Именно им он говорит: «Европа положила руки на наши континенты, и мы должны рубить её пальцы, пока не отпустит. Это хороший момент; ничего не может случиться в Бизерте, в Элизабетвиль или в Алжирской сельской местности (провинциальные районы в Северной Африке), о чём целый мир не услышит. Сопернические блоки принимают противоположные стороны и сдерживают друг друга; позвольте нам воспользоваться преимуществом этой беспомощности, позвольте взорваться в историю, заставляя её нашим вторжением сделаться впервые универсальной. Позвольте нам начать сражение; и если у нас нет другого оружия, достаточно ожидающего ножа».

Европейцы, вы должны открыть эту книгу и войти в неё. После нескольких шагов во тьме, вы увидите странников, собранных вокруг огня; подойдите ближе, и прислушайтесь к тому, что они говорят о судьбе, которую они определяют вашим торговым центрам и нанятым солдатам, которые их защищают. Возможно, они увидят вас, но продолжат разговаривать среди них самих, без того, чтобы понижать голоса. Это безразличие поражает дома: их отцы, неясные создания, *ваши* создания, были не более чем мёртвые души. Это вы, кто позволил им увидеть проблески света, лишь только к вам они отваживались говорить, и вас не волновало то, чтобы отвечать таким зомби. Их сыновья игнорируют вас; огонь согревает их и проливает свет среди них, и не вы его пролили. И теперь, на почтительном расстоянии, вы, кто будет чувствовать тайное, окаймлённое ночью, и гибнущее с холодом! Изменяйте и изменяйте своё

положение; в этих тенях, откуда ворвётся новый закат, - вы, кто является зомби.

В этом случае, вы скажете: давайте выкинем эту книгу. Зачем читать её, если она не была написана для нас? По двум причинам: первая заключается в том, что Фанон объясняет вас своим братьям и показывает им механизм, которым они были отчуждены от самих себя; воспользуйтесь этим преимуществом и увидите объективно, в свете истины, самих себя. Наши жертвы знают нас по их собственным шрамам и по их собственным цепям, и именно это то, что делает их доказательство неопровержимым. Этого достаточно, чтобы они показали нам, что мы сделали из них для нас, чтобы понять то, что мы сделали из нас самих. Но можем ли мы как-то это использовать? Да, для Европы на смертном пороге. Но, вы скажете, мы живём в стране-колонизаторе, и мы не принимаем её крайностей. Это верно, вы не поселенцы, но вы и не лучше. Поскольку первопроходцы принадлежали к вашим рядам; вы послали их за моря, и именно вас они обогатили. Вы предостерегали их, что если они прольют слишком много крови, то вы отречётесь от них, или, говоря иначе, поступили в чём-то таким же образом, как любое государство поддерживает за границей толпу агитаторов, *провокаторов* (*agents provocateurs*), и шпионов, от которых оно отрекается, когда их поймают. Вы, столь либеральные и столь гуманные, кто имеет столь преувеличенное обожание культуры, которое граничит с притворством, вы претендуете на то, чтобы забыть ваши собственные колонии и то, что в них люди убивают под вашим именем. Фанон открывает своим камрадам — по большей части, некоторым из тех, которые скорей слишком вестернизированы — солидарность людей страны-колонизатора и их представителей в колониях. Имей мужество прочитать эту книгу, потому что в первую очередь она заставит тебя стыдиться, а стыд, как сказал Маркс, - это революционное чувство. Вы видите, я тоже не могу избавиться самого себя от субъективных иллюзий; я также говорю вам: «Всё — потеряно, пока . . .» Как Европеец, я ворую книгу врага, и из неё я формирую лекарство для Европы. Делаю из неё всё возможное.

И здесь вторая причина: если вы отстраните фашистские высказывания Сореля, вы найдёте то, что Фанон — первый — с Энгельса поставил процессы истории под ясный луч дня. Более того, вам не нужно думать, что горячность или несчастливое детство дали ему некоторый нетрадиционный вкус к насилию; он действует как интерпретатор ситуации, и всё. Но этого недостаточно, чтобы позволить ему конституировать, шаг за шагом, диалектику, которую либеральное лицемерие скрывает от вас и которая настолько же ответственна за наше существование, как и за его.

В течение последнего столетия, средние классы смотрели на рабочих как на жадных созданий, сделавшихся незаконными из-за своих жадных интересов; но они позаботились, чтобы включить этих великих варваров в наши собственные виды, или, по крайней мере, они рассматривались как свободные люди — другими словами, свободными, чтобы продавать свою рабочую силу. Во Франции, также как и в Англии, гуманизм претендовал на то, чтобы быть универсальным.

В случае с принудительным трудом, всё наоборот. Нет никакого контракта; более того, должно быть вторжение, и таким образом угнетение повышается. Наши солдаты за морями, отвергая универсализм страны-колонизатора, применяют систему «numerus clausus» (дословно: ограниченное количество) к человеческой расе: поскольку никто не может поработить, ограбить, или убить его ближнее человеческое существо без совершения преступления, они создают принцип того, что коренной житель не есть одно из наших близких человеческих существ. Наша поразительная власть была предана миссии изменения этой абстрактной уверенности в реальности: дан приказ уменьшить население присоединённой страны до уровня лучших обезьян для того, чтобы оправдать отношение поселенцев к ним, как к вьючным животным. Насилие в колониях не только имеет своей целью держание этих порабощённых людей на расстоянии руки; оно стремится их дегуманизировать. Всё будет сделано, чтобы устранить их традиции, заменить их язык на наш и разрушить их культуру без того, чтобы дать им нашу. Явная физическая усталость ошеломит их. Умиравшие от голода и больные, они если и смогут сохранить какой-то дух, то страх прикончит их внутреннюю работу. Ружья направлены на крестьян; штатские приходят, чтобы вступить во владение их землёй и заставить их посредством телесных наказаний за них вспахивать землю. Если он не повинуется, солдаты стреляют - и он мёртв; если он сдаётся, то сам деградирует и больше он вообще не человек. Стыд и страх разделят его характер и сделают его внутреннее «Я» распадающимся на куски. Бизнес совершается с развевающимися цветами и экспертами; «психологические услуги» не были созданы вчера, также как и не было создано промывание мозгов. И всё ещё, несмотря на все эти усилия, их цели нигде не достигнуты: ни в Конго, где руки Негров были отрублены, ни в Анголе, где до самого недавнего времени губы мятежников были защищены для того, чтобы закрыть их с висячими замками. Я не говорю, что невозможно превратить человека в животное: я просто говорю, что вы не сможете этого сделать без значительного его ослабления. Удары никогда не будут достаточными; вы должны продвигать наказания дальше, и это проблема с рабством.

Поскольку, когда вы приручаете члена нашего собственного вида, вы уменьшаете его продукт, и как бы совсем мало вы не могли ему дать, фермерский человек в результате стоит больше, чем он производит. По этой причине, поселенцы обязаны остановить на полпути своё вмешательство. Результатом становится то, что ни человек, ни животное — не коренные жители. Избитый, недокормленный, больной, испуганный человек, — но лишь до определённой точки — он имеет, не важно, он чёрный, жёлтый, или белый, всегда те же самые черты характера: он проныра, лентяй, и вор, который живёт с отсутствием средств и который понимает лишь насилие.

Бедный поселенец... Здесь присутствует его обнажённое противоречие, лишённое своих признаков. Он должен убивать тех, кого он разоряет, как, говорят, делают джинны. Теперь, это невозможно, потому что он должен также их эксплуатировать. Поскольку он не может доводить резню до геноцида, и рабство до животной деградации, поселенец теряет контроль, машина приходит к обратному, и безжалостная логика приводит его к деколонизации.

Но это не случается немедленно. Вначале царствование европейцев продолжается. Поселенец уже проиграл битву, но это не очевидно. Он всё ещё не знает, что коренные жители всего лишь наполовину коренные жители. Послушав, как он говорит, покажется, что он дурно обращается с ними для того, чтобы разрушить или репрессировать зло, которое они укоренили в нём; и после трёх поколений их разрушительные инстинкты вновь больше не возникнут. Какие инстинкты он имеет в виду? Инстинкты, которые побуждают рабов убивать своего господина? Не может ли он опознать здесь свою собственную жестокость, повёрнутую против него самого? В жестокости этих угнетённых крестьян не находит ли он свою собственную поселенческую жестокость, которую они вобрали всеми порами и для которой нет никакого лекарства? Причина проста; это властолюбивое создание, сведённое с ума его абсолютной властью и страхом её потери, больше не вспоминает ясно, что он однажды был человеком. Он берёт себе хлыст или оружие, он стал верить, что приручение «худших рас» возникнет через выработку их условных рефлексов. Но в этом он упускает из виду человеческую память и нестираемые отметки, оставленные на ней; и потом, превыше всего есть что-то, что, возможно, он никогда не знал: мы лишь тогда становимся тем, чем мы есть, посредством радикального и укоренившегося отрицания того, чем сделали из нас другие. Мы сказали три поколения? Едва ли второе поколение открыло свои глаза, кроме как на то, что они увидели своих отцов стегаемыми. В психиатрических понятиях, они «травмированы» для (нормальной) жизни. Но эта постоянно обновляемая агрессия, далёкая от того, чтобы приводить их к подчинению, толкает их в

невозможное противоречие, за которое раньше или позже Европейцы заплатят. После того, когда настанет их черёд, чтобы ворваться, когда им рассказали, что такое стыд и голод, и боль, всё, что возбуждается в них - это вулканическая ярость, чья сила равнозначна тому давлению, которое на них оказывается. Вы сказали, что они ничего не понимают, кроме насилия? Конечно: во-первых, единственное насилие исходит от поселенцев, но вскоре они сделают его своим собственным; это означает, что то же насилие рикошетом свергается на нас в то время, когда наше отражение подходит вперёд, чтобы встретиться с нами, когда мы идём вперёд к зеркалу.

Не делайте ошибок в отношении этого; с этой сумасшедшей яростью, этой горечью и сплином, их всегда присутствующим желанием нас убить, постоянным напряжением мощных мускулов, которые они боятся расслабить, они стали людьми. Людьми *из-за* поселенца, который хочет сделать из них вьючных животных — из-за него, и против него. Ненависть, слепая ненависть, которая всё ещё абстрактна, является их единственным богатством. Господин призывает её вперёд, потому что он ищет, как свести их к животным, но он не может её прекратить, потому что собственные интересы останавливают его на полпути. Таким образом, «полу коренные жители» всё ещё люди, через силу и слабость угнетателя, который трансформирован среди них в упрямое отрицание животного существования. Мы представляем, что из этого следует: они ленивы (конечно, это форма саботажа). Они коварны и склонны к воровству, только представьте! Но их мелкое воровство обозначает начало сопротивления, которое всё ещё является неорганизованным. Этого недостаточно: есть те среди них, которые самоутверждаются, бросаясь с голыми руками против оружия; это их герои. Другие делают из себя человека посредством убийства европейцев, и эти - убиты; бандиты или мученики, их агония экзальтирует устрашённые массы.

Да, устрашённые; на этой свежей стадии, колониальная агрессия обращается внутрь, в настоящее террора среди туземцев. Под этим я подразумеваю не только страх, который они испытывают, когда сталкиваются с нашими неистощимыми средствами угнетения, но также то, что их собственная ярость в них производит. Они загнаны в угол между нашими ружьями, направленными на них, и тем ужасающим насилием, теми желаниями смерти, которые происходят из глубин их душ и которые они не всегда распознают. Поскольку, с самого начала, это не *их* насилие, а наше насилие, которое срывается опять на них и раздирает их; и первое действие этих угнетённых созданий — это закопать глубоко тот скрытый страх, который осуждает их и наша нравственность и который, однако, есть лишь последнее прибежище их гуманности. Почитайте Фанона: вы узнаете как в период беспомощности их сумасшедшие

импульсы убивать являются выражением коллективного бессознательного коренных жителей.

Если эта подавленная ярость не может найти выход, она превращается в вакуум и разрушает самих угнетённых созданий. Для того, чтобы освободить их самих, они убивают даже друг друга. Разные племена борются между собой, поскольку они не могут столкнуться с реальным врагом - и вы можете рассчитывать на колониальную политику, чтобы поддерживать их соперничество. Человек, который поднимает нож против своих братьев, думает, что он однажды разрушил и для всех ненавидимый образ их общей деградации, даже если эти искупительные жертвы не гасят их жажды крови. Они лишь могут остановить их самих от маршировки против пулемётов, делая всю работу за нас. С их собственного согласия они увеличат скорость дегуманизации, которую они отвергают. Под недремлющим оком поселенца, они воспользуются величайшими предосторожностями против их собственного вида через установку сверхъестественных барьеров, временами оживляя старые и ужасные мифы, для других связывая их самих честными ритуалами. Именно таким способом одержимый человек убегает от своих глубочайших нужд — связыванием самого себя с определенными наблюдениями, которые требуют его внимания на каждом повороте. Они танцуют - это удерживает их занятыми, это расслабляет их болезненно сокращённые мускулы, и потом танец подражает секретно, часто без их знания, отказу, который они не могут прошептать, и убийствам, которые они отваживались не совершать. В определённых районах они используют это последнее средство — одержимость духами. Встарь это был религиозный опыт во всей его простоте, определённая общность верующих со священными предметами; теперь они используют их как оружие против унижений и отчаяния. Предмет суеверного поклонения и все идолы племени обрушиваются на них, руководят их насилием и уничтожают его в трансах до того, как они истощены. В то же самое время эти высоко поставленные персонажи защищают их. Другими словами, колонизированные люди защищают самих себя от колониального отчуждения, достигая ещё большего отчуждения в религии. Это уникальный результат, поскольку он соединяет два отчуждения вместе, и каждое укрепляет другое. Таким образом, в определенных психозах галлюцинаторного человека, уставшего от того, что он всегда оскорблён своим демоном, в один прекрасный день начинает слышаться голос ангела, который отдаёт ему похвалы; но это не избавляет его от презрительных насмешек; лишь с того момента, они перемежаются с поздравлениями. Это защита, но это также конец истории; самость разъединена, и пациент сходит с ума. Позвольте нам добавить для определения других тщательно выбранных неудач про то другое

колдовство, о котором я уже говорил: Западная культура. Если бы я был ими, вы можете сказать, я предпочёл бы свой фетиш их Акрополису. Очень хорошо: вы вникли в ситуацию. Но не всё вместе, потому что вы — это не они — или всё ещё не они. Иначе вы знали, что они не могут выбирать. Они должны иметь Два мира, которых делают два очарования: они танцуют всю ночь и на рассвете они толпятся в церкви, чтобы послушать массу. Каждый день раскол увеличивается. Наш враг предаёт своих братьев и становится нашим сообщником, их братья делают ту же самую вещь. Статус «коренного жителя» - это нервное состояние, введённое и поддерживаемое поселенцем среди колонизированных людей *с их согласия*.

Оставляя претензию и отрицая в то же самое время человеческое существование: противоречие взрывоопасно. По этой причине, оно взрывается, вы знаете, так же, как и я; и мы живём, в момент, когда спичка приставлена к фитилю. Когда повышающийся уровень рождаемости привносит широкий голод в это пробуждение, когда эти новоприбывшие боятся больше жизни, чем смерти, поток насилия смывает все барьеры. В Алжире и Анголе убивают Европейцев, лишь только их заметив. Это момент бумеранга, это третья фаза насилия; оно к нам возвращается, оно нас поражает, и мы больше не представляем, что мы делали в другое время, и это мы, кто и начал насилие. «Либералы» ошеломлены, они признают, что мы не были достаточно вежливы с коренными жителями, что это было бы более мудро и честно дать им определённые права постольку, поскольку это было возможно; они не просят ничего лучшего, кроме как признать их в кучах и без спонсоров в этот очень эксклюзивный клуб, наш вид. И теперь эта варварская, сумасшедшая вспышка с ними больше не случится. Левые дома смущены: они знают действительную ситуацию коренных жителей: безжалостное угнетение, которому они подвергаются. Левые не осуждают бунт коренных жителей, зная очень хорошо, что мы сделали всё, чтобы его спровоцировать. Но всё же, они думают про себя, что *существуют* ограничения; эти партизаны должны быть устремлены на обнаружение того, что они рыцарственные; что это будет лучшим способом показать то, что они люди. Иногда Левые ругают их ... «Вы заходите слишком далеко; мы больше не будем вас поддерживать». Туземцев не беспокоит их поддержка; учитывая всё то хорошее, что приносит им поддержка, они и сами могут прикрывать свою задницу. Когда их война началась, они увидели тяжёлую истину: что каждый из нас взял свою часть, взял что-то от них; им не нужно больше призывать кого-либо как свидетеля; они ни к кому не допустят любезного обращения.

Должен быть исполнен один долг, достигнута одна цель: искоренить колониализм *любым* способом, находящимся в их власти. Более

дальновидные среди нас будут, в этом случае, готовы принять этот долг и эту цель, но мы не можем помочь, видя в этом суровом испытании силой вместе с бесчеловечными средствами, которые эти менее-чем-люди используют, чтобы отвоевать признание прав человечества. Окажите его им немедленно и позвольте прилагать усилия мирными соглашениями, чтобы заслужить его. Наши наихудшие души содержат расовые предрассудки.

Они хорошо поступят, начав читать Фанона, поскольку он ясно показывает, что это неудержимое насилие не является ни шумом и яростью, ни восстанием диких инстинктов, ни даже эффектом негодования: это человек, воссоздающий себя самого. Я думаю, мы поняли эту истину однажды, но мы забыли её: никакая мягкость не может стереть отметки насилия, лишь насилие само по себе может его разрушить. Туземец лечит себя от колониальных невротозов, выселяя поселенца силой оружия. Когда его ярость перекипает, он вновь открывает свою потерянную невинность и узнаёт себя в том, что он сам создаёт своё «Я». Отдаленные от этой войны, мы рассматриваем это как триумф варварства. Но, согласно собственным желаниям, туземцы достигают медленно, но верно, эмансипации бунтаря, часть за частью оно разрушает колониальное уныние в народе и вокруг него. Однажды начавшись, война не даёт никакой пощады. Ты можешь быть испуганным, а это означает сказать «оставь себя для разобщения и приторного существования», или захвати своё право единства, данное от рождения. Когда крестьянин берёт ружьё в свои руки, старые мифы делаются тусклыми и запреты один за одним забываются. Ружьё бунтаря — это доказательство его гуманности. Поскольку в первые дни бунта ты должен убивать: застрелить Европейца означает убить двух зайцев одним выстрелом, разрушить угнетателя и человека, которого он угнетает, одновременно: остаётся один убитый человек, и один свободный человек. Выживший, впервые, чувствует *национальную* почву под своими ногами. В этот момент Нация не теряет для него смысла; куда бы он ни пошёл, где бы он ни мог быть, она там есть. Он преследует, и никогда не теряется из виду, поскольку она одна с его свободой. Но, после первого сюрприза, колониальная армия поражает; и затем все должны быть объединены или быть убитыми. Племенные несогласия ослабевают и стремятся к исчезновению: в первую очередь потому, что они контрреволюционны. Но более значимая причина заключается в том, что они до этого служили никакой иной цели, кроме как отклонять насилие от ложных врагов. Когда разногласия остаются — как в Конго — это потому, что они поддерживаются агентами колониализма. Нация марширует вперёд; каждый из её детей может найти её, где его братья сражаются. Их чувства к каждому — это обратная сторона ненависти, которую они питают к тебе.

Они являются братьями в той степени, что каждый из них убивал, и могут начать в любой момент убивать снова. Фанон показывает своим читателям ограниченность «спонтанности» и необходимость, и недостатки «организации». Но, какой бы великой не была задача на каждом повороте пути, революционное сознание углубляется. Последние комплексы исчезают; никто не нуждается в том, чтобы приходиться к нам говорить о комплексе «зависимости» солдата ФНО (Фронт Национального Освобождения в Алжире).

Сняв шоры, крестьянин принимает во внимание свои настоящие нужды; до того как пришли его убивать, он пытался их игнорировать; теперь он видит их огромные бесконечные требования. В этом насилии, которое проистекает от людей, которое позволяет им выставлять требования в течение пяти — восьми лет, как это сделали Алжирцы, военные, политические, и общественные нужды не могут быть разделены. Война, просто устанавливая вопрос командования и ответственности, устанавливает новые структуры, которые останутся первыми институтами мира. Здесь есть люди, установленные в новых традициях, будущие дети ужасного настоящего; здесь, таким образом, мы можем видеть легитимирующий закон, который будет рождён или рождается каждый день под огнём. Когда последний поселенец будет убит, послан домой, или приспособлен, племенное меньшинство исчезает, чтобы быть замещённым социализмом. И этого недостаточно: бунтарь там не останавливается. Можете быть уверены, что он не рискует своей шкурой, чтобы найти себя на уровне предыдущего поселенца старой страны-колонизатора. Посмотрите, как он терпелив! Возможно, он мечтает об ещё одном Дьенбьенфу (Сильное поражение французской армии в Дьенбьенфу закончилось войной в Индо-Китае – пер.), но не думайте, что он действительно рассчитывает на это. Он - нищий, борющийся в своей нищете против мощно вооружённых богатых людей. В то время как он ждёт своих убедительных побед, или даже без ожидания их вообще, он умиротворяет своих врагов, пока он им не надоедает.

Это не может происходить без ужасных потерь; колониальная армия становится беспощадной; страна размечена, есть операции по очистке захваченной территории от противника, перемещения населения, экспедиции по расправе, и они убивают женщин и детей. Новый человек знает это; он начинает свою жизнь, как человек в её конце. Он рассматривает самого себя в качестве потенциального трупа. Он будет убит; он принимает этот риск, он уверен в нём. Этот потенциально мёртвый человек потерял свою жену и своих детей, он видел столь много умирающих людей, что он предпочитает победу выживанию. Другие, не он, будут наслаждаться плодами этой победы, он слишком устал от всего этого. Но это утомление сердца является корнем невероятной храбрости.

Наша гуманность находится на его стороне смерти и отчаяния, он находит её по ту сторону пыток и смерти. Мы распространили ветер, он — ураган. В каждый момент он извлекает из плода насилия свою гуманность. Мы были людьми за счёт него, он делает самого себя человеком за счёт нас: другим человеком - высшего качества.

Здесь Фанон останавливается. Он указал путь вперёд: он является представителем тех, кто борется, и он призывает к союзу, что означает сказать, союза Африканского континента против всех несогласий и всех партикуляризов. Он достиг своей цели. Если он хотел описать во всех деталях исторический феномен деколонизации, он должен был говорить о нас; это совсем не является его намерением. Но, когда мы закрыли книгу, спор продолжился среди нас, несмотря на его автора; поскольку мы чувствуем силу людей в бунте и мы отвечаем тоже силой. Таким образом, существует свежий момент насилия; и тем временем мы сами в него вовлечены, поскольку насилие изменяет нас соответственно тому, как изменяется «полу коренной житель». Каждый из нас должен думать за самого себя — при условии, что он думает вообще, поскольку в Европе сегодня, ошеломлённой, как она есть, ударами, полученными Францией, Бельгией, или Англией, даже чтобы позволить вашему уму быть направленным в другую сторону, как бы ни немного, есть также хорошо, как быть соучастником в преступлении колониализма. Эта книга не имела даже малейшей нужды в предисловии, тем менее нуждалась постольку, поскольку она адресована не нам. Всё же я написал его для того, чтобы привести спор к его заключению. Поскольку мы в Европе также были деколонизированы, что означает, что поселенец, который есть в каждом из нас, - был жестоко искорчёван. Давайте посмотрим на нас самих, если мы можем это вынести, и увидим, что с нами становится. Первое, мы должны столкнуться с неожиданным открытием, стриптизом нашего гуманизма. Там вы можете увидеть его достаточно обнажённым, и это не является красивым видом. Это ничто иное, как идеология лжи, отличное оправдание для грабежа. Его льстивые слова, его деланная чувствительность были лишь алиби для нашей агрессии. Они, верующие в ненасилие, также на хорошей стороне, говоря, что они не являются ни палачами, ни жертвами. Таким образом, очень хорошо: *если вы не жертвы, когда правительство, за которое вы голосовали, когда армия, в которой ваши младшие братья служат без колебания или угрызений совести, вынесли расовое убийство, вы, без тени сомнения, - палачи.* И если вы выберете быть жертвами и рискуете быть помещёнными в тюрьму на день или два, вы просто делаете выбор выдернуть ваше железо с огня. Но вы не сможете его выдернуть; оно должно стоять там до самого конца. По меньшей мере, попытайтесь понять это: если насилие началось лишь этим самым вечером и если эксплуатация и угнетение никогда не

существовали на земле, возможно слоганы ненасилия смогут закончить ссору. *Но если целый режим, даже ваши ненасильственные идеи, воспринять в контексте тысячелетнего угнетения, единственно ваша пассивность может послужить причиной того, чтобы поместить вас в ряды угнетателей.*

Вы знаете достаточно хорошо, что мы являемся эксплуататорами. Вы знаете также, что мы положили руки в первую очередь на золото и металлы, затем на нефть «новых континентов», и то, что мы принесли их назад в старые страны. Это дало отличные результаты, как свидетельствуют наши дворцы, наши соборы, и наши великие индустриальные города. И затем, когда была угроза кризиса, колониальные рынки были там, чтобы ослабить удар или направить его в другую сторону. Переполненная богатством, Европа предоставила человеческий статус *de jure* своим поселенцам. У нас быть человеком означает быть соучастником колониализма, поскольку все из нас без исключения обогатились за счёт колониальной эксплуатации. Этот толстый, бледный континент заканчивается падением в то, что Фанон правильно называет нарциссизмом. Кто начал раздражать Париж - «тот город, который говорит всё время о себе». Отличается ли от этого Европа? И эта супер-европейская монструозность, Северная Америка? Болтовня, болтовня: свобода, равенство, братство, любовь, гордость, патриотизм, и то, что имеее вы. Всё это не избавило нас от деланья антирасовых заявлений о грязных ниггерах, грязных евреях, и грязных арабах. Благородные люди, либералы или всего лишь мягкосердечные, протестуют в том, что они были шокированы такой непоследовательностью; но они или ошиблись, или были нечестны, поскольку с нами нет ничего более последовательного, чем расистский гуманизм, поскольку Европейец может лишь только стать человеком через создание рабов и монстров. В то время как где-то там было туземное население, это жульничество не было выставлено напоказ; в понятии человеческой расы мы нашли абстрактное предположение универсальности, которая служила как обёртка для наиболее реалистичных практик. На другой стороне океана, была раса менее-чем-людей, которая, спасибо нам, может достичь нашего статуса спустя возможно тысячу лет; вкратце, мы неверно приняли элиту за род. Сегодня, туземное население открывает их истинную природу, и в то же самое время наш эксклюзивный «клуб» открывает свою слабость — что он ни более ни менее, чем меньшинство. Поскольку другие становятся людьми во имя противостояния нам, кажется, что мы враг человечества; элита показывает саму себя в своих настоящих цветах — она не является чем-то большим, чем бандой. Наша драгоценная система ценностей начинает линять, в ближайшем рассмотрении вы не увидите кого-либо,

кто не испачкан в крови. Например, вспомните эти прекрасные слова: «Как щедра Франция!» А что же тогда Сетиф? И эти восемь лет беспощадной войны, которая стоила более чем миллион жизней Алжирцев? И пыток?

Но давайте это понимать так, что никто не порицает нас в том, что мы ошибались, стремясь достичь такую-то миссии — по очень простой причине того, что мы не имели вообще никакой миссии. Это щедрость сама по себе под вопросом. Это приятное мелодичное слово имеет лишь одно значение: предоставление установленного законом права. Поскольку народ вокруг воды, новые люди, освобождённые люди, никто не имеет ни власти, ни права давать что-либо кому-нибудь; поскольку каждый из них имеет каждое право, и право на всё. И когда однажды наше человеческое существо становится взрослым, оно не будет определять само себя как общее число всего населения земного шара, но как бесконечное единство их взаимных нужд. Здесь я останавливаюсь. Вы без труда сможете закончить работу. Всё, что вам нужно сделать, так это посмотреть нашим аристократическим доблестям прямо в лицо, в первый и последний раз. Они превозносятся, но как они могут выжить аристократию, мелких чиновников, которые привели их в действие? Несколько лет назад, буржуазный колониальный комментатор смог сказать лишь это в защиту Запада: «Мы не ангелы. Но мы, по крайней мере, чувствуем некоторое раскаяние». Какое признание! Прежде наш континент продвигался другими средствами: Парфенон, Хартии, Права Человека, или свастика. Теперь мы знаем, какую они имеют ценность; и единственный шанс спастись от крушения нашего существования - Христианское чувство вины. Вы можете видеть, что это конец; в Европе везде возникают утечки. Таким образом, что произошло? В прошлом мы делали историю, и теперь она делается из нас. Пропорция сил была перевёрнута; началась деколонизация; все, что могут делать эти наши нанятые солдаты — отсрочивать её окончание.

Старые «страны-колонизаторы» всё ещё доводят до конца свои действия; они всё ещё должны вовлекать полную силу в битву, которая потеряна до того как она началась. В конце приключения мы снова ищем колониальное насилие, которое было сомнительной славой Бюжо (Тома Робер Бюжо, маркиз де ла Пиконри, 1784-1849, герцог Ислийский, маршал Франции. Знаменит своими военными эксплуатациями в завоевании Алжира. Он был назначен Губернатором Алжира в 1840 году — пер. с англ.); но хотя она была десятикратно размножена, этого всё ещё недостаточно. Национальные служебные подразделения высланы в Алжир, и они остаются там семь лет без какого-либо результата. Насилие изменило своё направление. Когда мы были победоносными, мы практиковали его без кажущейся попытки изменить нас; оно разрушило

других, но для людей наш гуманизм остался нетронутым. Объединённые своими прибылями, люди стран-колонизаторов нарекли своё государство преступлений государством братства и любви; сегодня насилие, заблокированное везде, возвращается к нам через наших солдат, приходит внутрь и берёт нас в свои владения. Закручивание спиралью начинается; туземец воссоздаёт самого себя, и мы, поселенцы и Европейцы, ультра и либералы, мы разрушаемся. Ярость и страх уже страшны; они видны в охоте на негров в Алжире. Теперь на которой из сторон дикари? Где теперь варварство? Ничего не утеряно, даже не утеряны тамтамы; звуковые сигналы автомобилей выколачивают «Алжир — французский», в то время как Европейцы заживо сжигают мусульман. Фанон напоминает нам, что не так давно, конгресс психиатров терзался криминальными склонностями туземного населения. «Те люди убивают друг друга», - сказали они, - «это ненормально. Алжирская кора головного мозга должна быть недоразвита». В центральной Африке, другие установили, что «Африканцы очень мало используют свои передние доли». Эти учёные люди будут хорошо поступать сегодня, чтобы продолжать свои исследования в Европе, и особенно по отношению к Французам. Поскольку мы, также, во время последних лет, должны быть жертвами «передней медлительности», поскольку наши патриоты убивают своих соотечественников, и если они не дома, они взрывают свой дом и свою консьержку (*concierge*). Это только лишь начало; гражданская война — это прогноз на осень, или на весну следующего года. Всё ещё кажется, что наши доли в отличном состоянии; не является ли это скорей случаем, так как поскольку мы не можем разрушить туземцев, насилие возвращается назад на свои рельсы, накапливается в самых глубинах нашей природы и ищет выхода? Союз Алжирских людей становится причиной разъединения французов; по всей территории экс-страны-колонизатора, племена танцуют свои военные танцы. Террор покинул Африку, и поселяется там; очень явно, что есть определённые неистовые существа, которые хотят заставить нас платить с нашей собственной кровью за стыд того, чтобы быть избитым туземцем. Затем также, есть другие, все другие, которые равно виноваты (поскольку после Бизерты, после убийств Сентября, кто среди них вышел на улицы, чтобы заорать «Не было ли этого для нас достаточно?»), но менее захватывающие — либералы, и языки нежных Левых.

Лихорадка начинается также среди них, и в то же самое время - негодование. И они, естественно, обладают насмешкой! Они прячут свою ярость в мифах и сложных ритуалах, для того, чтобы предотвратить день расплаты и необходимость решений, они поставили во главе наших дел - Великого Мага, чьё занятие заключается в том, чтобы любой ценой содержать всех во мраке. Ничего не было сделано; насилие,

провозглашенное некоторыми, отрицается другими, превращается в вакуум; одним днём оно вспыхивает в Мец, рядом с Бордо; оно здесь, там и везде, как и в игре «охота на туфлю». Теперь наш черёд идти путём, шаг за шагом, который ведёт вниз к уровню туземцев. Но для того, чтобы стать туземцами всем вместе, наша почва должна быть оккупирована ранее колонизированными людьми, и мы должны страдать от голода. Такое не случится, поскольку это дискредитированный колониализм, который овладевает нами; это дряхлый, высокомерный мастер, который накроет нас; здесь он приходит, наш Фетиш.

И когда вы читаете последнюю часть Фанона, вы будете убеждены, что будет лучше для вас быть туземцем в крайних глубинах его несчастья, чем быть предшествующим поселенцем. Это неправильно для полицейской власти быть обязанными пытаться десять часов в день; в таком случае, нервы полицейского разрушатся на части, если мучителям не будет запрещено, в своих же собственных интересах, работать сверхурочно. Когда это желаемо, что нравственность нации и армии должна быть защищена суровостью закона. Неверно то, что первая должна систематически деморализовать последнюю, и то, что страна с Республиканской традицией должна поручать сотню и даже тысячу своих молодых сыновей — на руки служителям путча. Это неверно, мой соотечественник, ты, который знаешь очень хорошо все преступления, совершенные под нашим именем; это неверно совсем, что ты не издаёшь и слова о них кому-то, даже своей собственной душе, из-за страха не выстоять, осуждая самого себя. Я желаю верить, что вначале ты не представлял, что случилось; затем, ты сомневался, могут ли быть такие вещи настоящими; но теперь ты знаешь, и ты всё ещё сдерживаешь свой язык. Восемь лет молчания, какова деградация! И твоё молчание всё без выгоды. Сегодня ослепляющее солнце пытки на своём зените, оно освещает всю страну. Под безжалостным сиянием, нет даже смеха, который не звенит неверно, нет лица, которое не звенит неверно, нет лица, которое не притворно, чтобы скрывать страх или ужас, даже единственного действия, которое не предаёт наше отвращение, и наше соучастие. Достаточно сегодня двум французам встретиться вместе, чтобы был мёртвый человек между ними. Один мёртвый человек, я сказал? В другие дни Франция была названием страны. Мы должны позаботиться, чтобы в 1961 году она не стала именем нервного заболевания.

Но восстанем ли мы? Да. Насилие, как копьё Ахиллеса, может излечить раны, которое оно причинило. Сегодня, мы связаны по рукам и ногам, унижены и больны страхом; мы не можем упасть ниже. К счастью, этого всё ещё недостаточно для колониальной аристократии; она не может завершить свою отсрочиваемую миссию в Алжире, пока вначале не закончена колонизация Франции. Каждый день мы отступаем от битвы, но

вы можете быть уверены, что мы не избежим её; убийцы нуждаются в ней; они придут за нами и будут атаковать слепо налево и направо.

Таким образом, день волшебников и фетишистов закончится; ты должен сражаться, или сгнить в концентрационных лагерях. Это конец диалектики: вы порицаете эту войну, но всё ещё не рискуете декларировать самих себя на стороне алжирских борцов. Никогда не бойтесь, вы можете рассчитывать на поселенцев и нанятых солдат, они заставят вас сделать этот прыжок. Затем, возможно, когда ваш зад приставлен к стене, вы высвободите в конце концов то новое насилие, которое возвращено в вас старыми, часто повторяющимися преступлениями. Но, как говорится, это совсем другая история: история человечества. Время приближается, я уверен, когда мы присоединимся к тем, кто его создаёт.

-Жан-Поль Сартр

© Юрий Урсо, 2013